

КРИЦЫНА ЕВГЕНИЯ ЮРЬЕВНА

**И.А. БУНИН И С.А. ЕСЕНИН:
СООТНОШЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКИХ МИРОВ**

10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

**Работа выполнена в государственном образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»**

Научный руководитель: доктор филологических наук,
доцент **Анжелика Александровна Дякина**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор **Виктория Трофимовна Захарова;**

кандидат филологических наук,
доцент **Игорь Сергеевич Урюпин**

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Липецкий государственный
педагогический университет»

Защита состоится 18 мая 2010 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.059.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций в Елецком государственном университете имени И.А. Бунина по адресу: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, ауд. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в научном отделе библиотеки Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина по адресу: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, ауд. 300.

Автореферат разослан «16» апреля 2010 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

A. A. Dyakina

А. А. Дякина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

И.А. Бунин и С.А. Есенин – два особых творческих мира, оставивших яркий след в культурной атмосфере начала XX столетия. Внесение их имен в один ряд столь же необычно, сколь неповторимы художественные индивидуальности каждого.

Творческому наследию этих авторов в последние годы посвящено немало интересных исследований (работы Г.Ю. Карпенко, И.Б. Ничипорова, О.В. Сливицкой, О.Е. Вороновой, С.Н. Пяткина, А.Н. Захарова, Н.И. Шубниковой-Гусевой, др.). Однако проблема соотношения поэтических миров Бунина и Есенина не была еще предметом специального изучения.

Некоторые ее аспекты, правда, намечены в трудах Л.В. Занковской. Автор особо заостряет внимание на резко негативном отношении Бунина к своему молодому современнику. Причину подобной позиции видит в «несомненной доле творческой зависти»¹ к тому, кто, якобы, сменил Бунина в «роли выразителя национальной идеи в советской литературе»². Неприязнь «мэтра» исследователь объясняет «дворянским аристократическим происхождением», которое позволяло свысока смотреть на «бесцеремонно пролезшего в литературу крестьянина».

Вместе с тем Л.В. Занковской был очерчен круг возможных точек соприкосновения Бунина и Есенина. При очевидной неравновеликости мировоззренческих установок авторов исследователем отмечаются те потенциально объединяющие их духовные, эстетические ориентиры, посредством выражения которых в творчестве и могут намечаться линии пересечения поэтических миров обонх художников. Однако ни одна из предполагаемых Л.В. Занковской линий исследования не была разработана.

Сотношению языковых особенностей творчества Бунина и Есенина посвящена диссертация М.Н. Крыловой³. Материалом для анализа послужили произведения, авторы которых [Бунин и Есенин – Е.К.], как представляется ученому, «творили в рамках примерно одного литературного направления в одном хронологическом срезе»⁴.

С подобным «обоснованием» трудно согласиться. Такие «неточности» вряд ли допустимы даже в нелитературоведческих работах.

¹ Занковская Л.В. «Большое видится на расстоянии...». С. Есенин, В. Маяковский, Б. Пастернак. – М., 2005. – С. 16.

² Там же – С. 16.

³ Крылова М.Н. Разноразные средства выражения сравнения, их функции в языке поэзии и прозы И.А. Бунина и С.А. Есенина: дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2003.

⁴ Там же – С. 4.

Тема, избранная для диссертации, думается, весьма перспективна, так как дает возможность понять ряд сложных дискуссионных вопросов, связанных с развитием философско-эстетических и нравственных исканий Ив. Бунина и С. Есенина, а в целом – напряженных поисков эстетической поэзии рубежного времени, уникальность и значимость словесного искусства Серебряного века.

Актуальность темы определяется необходимостью дальнейшего постижения единой поэтической картины Серебряного века во всем многообразии неповторимых индивидуальных проявлений. Соотношение, на первый взгляд, разнородных поэтических миров и мировоззренческих позиций дает возможность объективно взглянуть на целостный, динамично организованный литературный процесс, услышать главный аккорд времени, понять самобытное звучание каждого голоса.

Цель настоящей работы заключается в установлении и рассмотрении соотносительных связей поэтических миров И.А. Бунина и С.А. Есенина.

Отсюда вытекают следующие задачи:

- раскрыть проблему взаимовосприятия Бунина и Есенина (до и после Октября 1917 года) с опорой на дневниковые записи, публицистические статьи, воспоминания, письма;

- проследить близость позиций авторов по ряду эстетических проблем: понимания цели и назначения искусства, роли поэта в современном мире;

- установить точки сближения Бунина и Есенина по линии восприятия ими культурного наследия – достижений классики: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева;

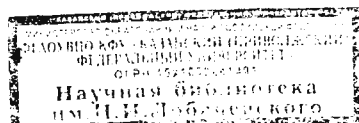
- проследить соотносительные связи творческих феноменов Бунина и Есенина на уровне отношения к России, Дому, реалиям природного мира; в плане постижения сущности национального характера;

- рассмотреть особенности сближения поэтов в сфере постижения ими триединства «Божественного – природного – человеческого».

Материалом исследования избраны: поэтические произведения Бунина и Есенина разных лет. Активно привлечены публицистические статьи, отзывы, дневники, письма, устные выступления художников, воспоминания о них современников.

Предметом диссертации стали многообразные линии пересечения поэтических миров Ив. Бунина и С. Есенина.

Методологической основой диссертационного исследования стали научные работы о творчестве Бунина: А.К. Бабореко, Р.С. Спивак, В.В. Нефедова, Ю.В. Мальцева, А.А. Дякиной, О.В. Сливицкой, И.Ю. Андрианова, С.Н. Морозова, Г.Ю. Карпенко, Л.А. Колобаевой, И.Б. Ничипорова, др.; о личности и творческом наследии Есенина: А.А. Волкова, П.Ф.Юшина, Е.И. Наумова, В.И. Харчевникова, К.Л. Зелинского, В.Базанова, Л.Л. Бельской, А.М. Марченко, О.Е. Вороновой, Л.В. Занков-

ской, Н.И. Шубниковой-Гусевой, А.Н. Захарова, Е.А. Самоделовой, В.А. Игнатьева, В.А. Сухова, С.Н. Пяткина, др.; исследования по истории и теории русской литературы конца XIX-XX века: В.М. Жирмунского, Ю.М. Лотмана, С.К. Маковского, Э.С. Маковского, С.Н. Бройтмана, М.М. Бахтина, В. Иванова, Б.А. Успенского, П.Н. Сакулина, В.Д. Сквозникова, Л.Я. Гинзбург, Ю.Н. Тынянова, Б.О. Кормана, З.Г. Минц, И.Г. Минераловой; труды русских религиозных философов: Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, Е.Н. Трубецкого.

Методы изучения материала базируются на принципах сравнительно-исторического, сравнительно-типологического, содержательно-структурного исследования литературных явлений.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Поэтические миры Бунина и Есенина «внутренне» соотносимы. Единство взглядов художников продиктовано во многом общими нравственно-эстетическими позициями: притяжением к достижениям отечественной классики; глубинным пониманием особенностей духовного мира русского человека; сходным постижением сущности национального характера; тяготением к общим духовным приоритетам.

2. Отношение Бунина и Есенина к классическому наследию, духовным традициям Отечества позволяет говорить о близости позиций художников слова.

3. Центром притяжения для Бунина и Есенина на протяжении всей жизни оставалось триединство «Божественного – природного – человеческого».

4. Общность духовно-нравственных и эстетических взглядов, запечатленная на уровне поэтики Бунина и Есенина, свидетельствует о сложном взаимодействии, синтезе разных тенденций в литературе Серебряного века.

Научная новизна диссертации заключается прежде всего в нахождении самих линий соотнесения творческих индивидуальностей Бунина и Есенина, позволяющих обнаружить точки сближения столь несхожих художников по целому ряду принципиально значимых мировоззренческих позиций. Благодаря этому обнаружены те потаенные духовные нити, которые связывали поэтов: чувство Родины, глубокое переживание ее трагической судьбы, трепетное отношение ко всему живому, неподдельный интерес к Божественному и человеческому в мире. Сопоставление поэтических миров Бунина и Есенина проведено на разных уровнях: проблемно-тематическом, образном, художественно-выразительном. Таким образом, продолжено перспективное направление современного отечественного литературоведения, стремящееся к постижению поэтического процесса Серебряного века как целостного явления, состоящего из множества, чаще лишь внешне разнящихся творческих направлений.

Теоретическая значимость исследования состоит в дальнейшем развитии принципов сопоставительного анализа литературных явлений, позволяющих раскрыть новые грани отдельных творческих индивидуальностей и поэтического процесса рубежа XIX-XX веков в целом.

Практическая значимость настоящего исследования заключается в возможности использования его результатов в практике вузовского и школьного преподавания русской литературы Серебряного века и XX столетия в целом, при рассмотрении тем обобщающего характера и монографическом освещении творческого наследия Ивана Бунина и Сергея Есенина.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, насчитывающего 225 наименований. Текст работы изложен на 224 страницах.

Апробация работы: материалы и теоретические положения диссертации освещены в публикациях по теме. Основные научные положения исследования апробированы в докладах и сообщениях, прочитанных и обсужденных на научных конференциях: Ежегодные научно-практические конференции преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов ЕГУ им. И.А. Бунина, Елец, 2005, 2007, 2008; II Всероссийская научная заочная конференция «Актуальные проблемы изучения литературы на перекрёстке эпох. Форма и содержание: категориальный синтез», Белгород, 2007; Международная научная конференция «Нижегородский текст русской словесности», Нижний Новгород, 2007; Региональный научно-практический семинар ученых Липецкой области, посвященный Году русского языка, Елец, 2007; Международная научная конференция «Творчество И.А. Бунина и русская литература XIX-XX веков», Белгород, 2008; Международная научная конференция «Литературы и журналистика народов России XX-XXI веков в социокультурном и эстетическом контексте» (в рамках XIV Шешуковских чтений), Москва, 2009.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определен предмет исследования, обоснованы направления соотносительных связей поэтических миров Бунина и Есенина. Осмыслены причины (прежде всего, биографического характера) притяжения художников к общим истокам. Среди них выделены размышления над вечными и современными проблемами, болезненное восприятие текущего и стремление прозреть светлые моменты бытия, обнаружить источники становления мира и человека.

Во введении раскрыты актуальность темы, ее научная новизна, степень изученности, поставлены цель, задачи, определены практическая и теоретическая значимость. На основе анализа имеющихся точек зрения (А.К. Жолковского, Ю.К. Щеглова, Т.И. Кондратовой, А.А. Сельницина,

Ю.А. Смирнова, В.В. Федорова)⁵ избрано рабочее определение «поэтического мира», под которым понимается «динамическое единство многообразных и разнородных элементов, раскрывающее поэтическую онтологию, картину мира, определяющую художественное мировосприятие поэта»⁶.

Первая глава «Проблема соотношения творческих индивидуальностей И.А. Бунина и С.А. Есенина» состоит из четырех параграфов.

В первом, названном «Взаимовосприятие Бунина и Есенина», проанализированы факты, свидетельствующие о негативном отношении Бунина к личности и творчеству младшего поэта. Определение связей писателей как «взаимовосприятие» достаточно условно, поскольку личного знакомства между ними не было. Однако существуют высказывания современников в пользу возможных их встреч в издательствах, в кругу общих знакомых. Проблема раскрывается с привлечением широкого исторического, культурного и литературного контекста 10-х годов XX столетия.

На основании публицистических статей, дневниковых записей, воспоминаний Бунина и его парижского окружения, современников, лично знавших обоих поэтов, научных работ, посвященных духовному феномену эпохи рубежа и творчеству интересующих нас авторов, раскрыты причины устойчивой неприязни, а подчас открытого негодования мэтра к своему соотечественнику.

До определенного времени Бунин, знавший о появлении на литературном Парнасе «новой» звезды, совершенно не замечал ее. Всё изменила революционная стихия Октября 1917 года. Вынужденная эмиграция поэта обострила интерес к судьбам оставленной родины. «Новая» литература и «новая» страна – вот те главные ипостаси бунинских многотрудных раздумий. Творцы «нового искусства», подчинившиеся, по мнению художника, порочной практике разрушения лучших классических традиций, строящие «новый корабль» художественного творчества на пустом месте, не принимались взыскательным вкусом Бунина. Их словоблудие, «гениальное косноязычие» не находили у него никакого оправдания. Есенин попал в число тех, кого мэтр обвинял в упадке отечественной словесности, в снижении ее культурной ценности. Для Бунина именно Есенин стал одним из главных «лиц» новой большевистской России и ее «сомнительной» литературы.

⁵ Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по теории выразительности: Инварианты – Тема – Приемы. – М., 1996; Кондратова Т.И. Поэтический мир К.М. Фофанова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Коломна, 1999; Сельницын А.А. Поэтический мир Юхана Себастиана Вельхавена: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003; Смирнов Ю.А. Поэтический мир Михаила Сеспиля и развитие чувашского стиха: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005; Федоров В.В. Поэтический мир как литературоведческая категория: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1988.

⁶ Кондратова Т.И. Поэтический мир К.М. Фофанова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Коломна, 1999. – С. 4.

Свои «стенания» по убиенному искусству отечества Бунин начинал с речи «Миссия русской эмиграции» (1924). С возмущением он разгромил поэму С. Есенина «Инония», назвал ее автора «богохульником» и «вероотступником». В написанной годом позже статье «Инония и Китеж» Бунин убеждал читателей в «инородности» таких, как Есенин, для русской литературы и русского мира. Статья «Самородки» (1927) Бунина апеллировала к воспоминаниям А. Мариенгофа о Есенине. Мало ценя самого мемуариста, строгий критик, тем не менее, и его брал в «соратники».

Бунинские выпады немало инициированы многочисленными «хвалебными одами», которые пели Есенину всякого рода средства массовой информации. Причем восхищались «национальным» поэтом в Советской России, и в эмигрантских кругах. Престарелого писателя раздражало и то, и другое. Даже незадолго до смерти Бунин не удержался против соблазна высказать свое негодование по поводу очередного признания за Есениным звания «нового русского гения». Статьей «Мы не позволим» (1951) художник обрушился на Г. Александрова, вынося приговор его позиции от лица всего старшего поколения. Бунин развенчивал даже память о Есенине, усомнившись в ее «светлом» начале. Свои доводы автор подкреплял «неприглядными» фактами биографии давно умершего художника.

Таким образом, в параграфе во всей полноте раскрыта последовательная непримиримая позиция Бунина в отношении Есенина. Но показательно и другое: среди множества «советских» поэтов Бунин выделил лишь троих: Блока, Есенина, Маяковского. Каждому «достались» от мэтра гнев и негодование. Но быть может, именно в этом выборе и проявились главные «опасения» мастера относительно будущего русской словесности. Есенин, вероятно, «предчувствовался» Буниным как один из ее «новых» духовных центров.

Во втором параграфе «Эстетические взгляды художников-современников» устанавливается близость Бунина и Есенина по ряду эстетических представлений. В ходе конкретного анализа их поэтического, прозаического и эпистолярного наследия, публицистических статей, заметок, дневниковых записей, объединенных нами на основе раскрытия темы поэта и поэзии в целостный комплекс, своеобразный эпистолярно-лирический дневник художников, обнаружены переклички писателей по вопросам назначения и сущности искусства, роли художника в современном мире. При внешней полярности подходов к жизни и творчеству отмечается тяготение Бунина и Есенина к общим эстетическим проблемам: сложности и неповторимости духовной организации создателя художественного произведения, его долга перед обществом, свободы неповторимого творческого поиска, значимости авторских поэтических откровений. С первых шагов в литературе оба поэта подчеркивали значение «среды» в становлении и развитии поэтического мастерства. Влияния духа родной земли, голоса природы оттенены ими как определяющие.

Собственное призвание оба художника осознали уже в юношеские годы. Их поэтический настрой дышал воздухом отчизны, великолепием природных стихий, богатыми духовными традициями России. Желание «словом объять» увиденное, прочувствованное инициировало появление самых искренних лирических строк, в которых мысли о назначении поэзии и ее творце звучали особенно часто.

Образ поэта в юношеских откровениях Бунина и Есенина сходен. Это нищий романтик, с презрением относящийся к земным благам, одолеваемый тяжелой нуждой, изможденный бесконечными страданиями и скорбями, избранник с трагической судьбой, отрешенный от толпы, не понимающей и не принимающей его страстных порывов. Анализ конкретных поэтических текстов обоих авторов («Поэт» (1886), «Над могилой С.Я. Надсона» (1887), «...Зачем и о чем говорить?» (1890) Бунина; двух одноименных стихотворений «Поэт» (1910-1912; 1912), «Моя жизнь» (1910-1912) Есенина) подтверждает вышесказанное. Осознание трагедийности судьбы поэта в мире как «обратной» стороны божественного дара – общий момент, сближающий творческие концепции ранних Бунина и Есенина. Осмысливая и творчески воспринимая отечественные духовные традиции, художники пришли к общей концептуально важной идее: путь поэта есть подвиг самопожертвования; избранничество художника на этот путь предопределено свыше. Образ поэта-пророка с опорой на лермонтовские традиции стал творческой рефлексией обоих поэтов. Однако у каждого этот образ остался «незавершенным». У Бунина он выведен за пределы библейского контекста и включен в атмосферу земных забот, его прежде всего характеризуют «приземленность», переключение на материальную нужду поэта, жалкое, нищенское существование, которое он «напрасно» пытается преодолеть. Есенин не реализовал замысла поэмы «Пророк», главный герой которой должен был подняться на высоту Пушкина и «клеить позором слепую, увящую в пороках толпу»⁷. Замысел образа «поэта-пророка» не нашел воплощения. Герой раннего Есенина не получил осознания «религиозно-духовной сущности поэтического дара»⁸. Воспитательные и нравственно-ценностные потенции поэтического слова – другой общий фактор сближения художников. Оба убеждены, поэт обязан быть «искренним выразителем нужд и потребностей общества, направлять ближних к добру и прекрасному»⁹, его «живое слово» должно пробудить «заснувшую душу» и давать ей «смело пойти к правде, добру и свободе»¹⁰.

На пути достижения подлинного поэтического мастерства взгляды Бунина и Есенина сближались. Назначение поэта, в их понимании, приравнивалось к исполнению многотрудной работы во имя родины, своего

⁷ Есенин С.А. Собрание сочинений: В 6 т. – М., 1979. – Т. 5. – С. 14.

⁸ Пяткин С.Н. Пушкин в художественном сознании Есенина. – Арзамас, 2007. – С. 62.

⁹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. – М., 1965. – Т. 9. – С. 489.

¹⁰ Есенин С.А. Указ. издание. – С. 30.

народа; к всегдашнему осознанию постоянной ответственности за создаваемые произведения. Собственная строгая вдумчивая работа поэтов над словом – яркое тому подтверждение. Духовная «система координаций» эпохи, рождаемые ею запросы к художнику, его творческим свершениям, определяли общие точки в эстетических воззрениях Бунина и Есенина. К такого рода схождениям художники шли независимо друг от друга, и тем очевидней объективный характер сближения разнонаправленных векторов литературного развития начала XX века.

Третий параграф «Поэтические достижения «золотого» века в восприятии Бунина и Есенина» раскрывает общее притяжение художников к лучшим образцам отечественного классического наследия. Внутренняя близость русской словесности была основой поэтических систем каждого из авторов, выражала их эстетические вкусы, в целом – общие истоки развития русского словесного искусства нового столетия. Свершения Пушкина были по-своему близки всем представителям литературы Серебряного века. Так, символисты видели в нем «абсолютного художника» (В. Соловьев); «всеобъемлемость пушкинского гения» (В. Брюсов) трактовалась ими как изначально определяющая черта складывающейся русской литературы.

Осознание духовных связей, неустанного желания быть похожими на кумиров «золотого века» никогда не покидало Бунина и Есенина. Притяжение к Пушкину, Лермонтову, Тютчеву определяло наложение поэтических пространств художников. Священные имена гениев XIX века для поэтов нового времени были эталоном эстетического, философского, нравственного совершенства. В параграфе прослеживаются критерии жизненных ощущений, обретенные поэтами нового времени под влиянием великих предшественников. Для Бунина непререкаемый авторитет поэзии Пушкина был изначально определяющей чертой в создании собственных творческих откровений. На раннем этапе поэтического развития юношеское подражание Пушкину стало для поэта залогом собственного художественного развития, ориентированного на лучшие классические образцы.

Признание пушкинского гения, опора на него и стремление к совершенству поэтической техники посредством познания литературного наследия прошлого пришло к Есенину в зрелые годы, времени, ставшем поистине кладезем поэтической силы художника нового времени. Воспетые Буниным и Есениным пушкинский идеал Красоты, Гармонии, Любви как основных сил, приближающих к заветной цели искомый в жизненном пространстве духовный идеал, стали основными линиями соотнесения их творчества.

В параграфе также обозначена и доказана другая не менее значимая тенденция сближения Бунина и Есенина посредством Пушкина – преемственность патриотических традиций классика, выразившаяся в страстном сопереживании трагических «недугов» отчизны, стремлении найти по-

средством обращения к историческому прошлому родной страны и культурам иных цивилизаций вечные ценности и авторитеты, разрушенные катклизмами настоящего, обрести веру в незыблемое торжество гуманных начал. Активное использование исторических сюжетов, средневековых мотивов и образов помогало осознать суровую поступь времени, найти истоки современной драмы в реалиях прошлого, познать связь эпох как повторение «всего во всем». Мысль раскрывается посредством анализа конкретных поэтических текстов «исторической тематики» (Бунина – «Святитель», «Святогор и Илья», «Сон епископа Игнатия Ростовского», «Святой Прокопий»; Есенина – «Марфа Посадница», «Пугачев», «Песнь о Евпатии Коловрате», др.).

Особое пушкинское внимание к особенностям русского языка, народной речи, бережное отношение к слову обогатили и развили «словесную походку» Бунина и Есенина. Использование современниками элементов народного творчества, фольклора в собственной поэтической практике свидетельствовало об укорененности их художественных систем в недрах отечественного сознания, главным выразителем и вдохновителем которого являлся Пушкин.

Период рубежа веков, вызвавший немало перипетий в общественном развитии, определил в конечном итоге умонастроения, восприятие мира и человека художниками в трагическом контексте противоречивой эпохи. В этом свете лермонтовский поиск Истины, Идеала, сопряженный с трагическим восприятием сущего, непреодолимым чувством одиночества, стал для поэтов этапным мировоззренческим звеном. Мотивы обреченности, горделивого шествия лирического «я» над миром и толпой, его бесприютности определили отправные точки сближения Бунина и Лермонтова. Есенину оказался наиболее близок мотив предсказания, пророчества собственного жизненного пути в контексте лермонтовских трагических прозрений.

Общим для Бунина и Есенина стал романтический образ лермонтовского героя избранника, отрешенного от толпы и не принимаемого ею одинокого странника (у Бунина подобный образ выражен в стихотворениях – «Гаснет вечер, даль синее...», «Долог был во мраке ночи...», «Поздний час. Корабль и тих и темен...», «Гроза прошла над лесом стороною...», др.; у Есенина – «Устал я жить в родном краю», «Мир таинственный, мир мой древний», «Да! Теперь решено. Без возврата», «Мы теперь уходим понемногу», «Не вернусь я в отчий дом», др.).

В параграфе обозначена тенденция сближения Бунина и Есенина «через» Лермонтова посредством воплощения мотива смерти в поэтической ткани произведений. Жизнь и смерть оказываются для художников двумя изначально существующими взаимодействующими силами, в диалоге которых Жизнь оказывается сильнее. Эти оптимистические прозрения

стали звеньями, связующими поэтов Нового времени с их великим предшественником.

Атмосфера научных открытий рубежа веков повлияла на выбор новых критериев мироощущения, в которых космизм Ф. Тютчева сыграл главную роль. Бунину и Есенину оказалась близка пантеистическая идея о гармонии мироздания, месте индивида во Вселенной, осознание онтологической первичности Космоса по отношению к человеку.

Четвертый параграф «Тема Родины в лирике Бунина и Есенина» посвящен рассмотрению своеобразия первостепенной для поэтов темы Родины. На протяжении всей сознательной жизни они остро чувствовали кровную связь с «почвой», российской землей, давшей жизнь, вскормившей, воспитавшей, даровавшей истоки подлинного художественного мастерства. Такие выводы сделаны на основе анализа писем, дневниковых записей, прозы и поэзии авторов.

Творчество Бунина и Есенина открывается мотивом родной земли, им же определяется главный вектор их художественного развития. Национальное начало, проявившееся в поэтизации красоты земли, восхищении естественной гармонией природы стало изначально определяющим в характеристике духовного мира современников.

Всеобъемлющее понятие «Русь» складывалось у поэтов из множества компонентов, один из которых – образ Дома. У Бунина рождение, развитие и трансформация этой лейтмотивной единицы обусловлены историческими и частными биографическими обстоятельствами. В его поэтических и прозаических текстах сплелись два образных ряда: малой родины, отчего крова и великого «Дома-России». Данная тенденция вполне объяснима: с юных лет поэт вынужден был скитаться, вдали от отчего дома искать средства к существованию. Позже и вовсе жизнь в России стала невозможна. Последовали 33 трагичных года чужбины. Поэтому чувство Бунина к России невозможно охарактеризовать простой лирической грустью, привычной эмигрантской ностальгией. Потеря Родины принесла острую боль, ощущение безродности, оторванности от корней. Священным местом отдохновения для Бунина была российская глубинка. В Озерках, Глодове, Огневке прошли детство и отрочество будущего поэта. Незатейливые места Центральной России связаны с периодом обретения ценностных ориентиров, внутренним, «подземным ростом души». Поэтому не случайно в ранней лирике воссозданы подлинные образы дорогих Бунину селений, хутора, картин среднерусской природы; с предметной точностью очерчены элементы усадебно-крестьянского быта, воспроизведены традиции милой сердцу страны. В «отеческих пределах» разворачивался целостный спектр многогранных чувств и настроений лирического героя. Размеренные и стройные движения природы соответствовали его внутреннему музыкальному настрою, передавали многообразные оттенки переживаний.

Появление в ранней лирике Бунина образа «заброшенного» дома как символа тлена и умирания родного мира было также обусловлено биографическими обстоятельствами – распадом собственной семьи («И снилось мне, что осенней порой...»). Тогда Память стала проводником на пути восстановления разрушенной преемственной связи поколений. Неотъемлемыми компонентами отеческой земли явились элементы окружающего быта, образы близких людей. Так шло расширение пространственных границ Дома. Им становятся не только конкретные реалии жизни, элементы природного мира, но вся Россия, даже Вселенная.

Октябрь 1917 года стал началом гибели «Дома-России» и разрушения ее многовекового уклада. Повсеместное опустошение, даже природное оскудение, потеря близких людей – эти признаки грозного времени придали скорбные тона лирическим произведениям этих лет. Показательно стихотворение «Князь Всеслав» (1916), открывающее своеобразный поэтический дневник Бунина, в котором глубоко и серьезно поставлена проблема горести изгнания, утраты Дома-Отечества. Это стихотворение – предтеча идейной доминанты всего творчества Бунина («Ты светлая ночь, полнолуная высь!», «Синие обои полиняли...», «Дедушка в молодости», «Канун», «Семнадцатый год»).

С начала 1920-х годов представления поэта о Доме существенным образом трансформируются, с ним теперь связаны все воспоминания: «Воспоминание», «Мы рядом шли, но на меня...», «Мы сели у печки в прихожей...», др. В лирических и прозаических произведениях эмигрантского периода художник с неподдельной искренностью неоднократно воссоздал образ-переживание любимой, но навеки потерянной Родины.

Вынужденный отъезд стал фактором резкого спада поэтического творчества Бунина. Пейзажи неродной стороны рождали лишь тяжелые, полные тоскливой обреченности мысли («В полночный час я встану и взгляну...», «Все снится мне заросшая травой...»). Лирический герой чувствует непреодолимое одиночество, нелепость собственного существования вне России.

Понятие Дом много значило и для Есенина. Уже в раннем творчестве оно было емко осмыслено. С одной стороны, домом представлялось весьма «ограниченное пространство»: изба с привычными реалиями незамысловатого крестьянского быта (стихотворение «В хате»), с другой – домом становилась вся нарядная, праздничная, ликующая Русь, многоголосная прелесть ее природного убранства. Однако Дом Есенин видел не только в светлых картинах природной и человеческой повседневности. Образ Руси стонущей, бесправной, веками униженной и оскорбленной неоднократно возникал в лирике ранних лет. Это рождало безотрадные картины родных пейзажей социального нестройства деревни («Край ты мой заброшенный...», «Сторона ль моя, сторонка...», «Черная, потом пропахшая выть!», «Топи да болота...»).

Подобно Бунину, Есенин рано покинул родные края. Но уже в начале многотрудного литературного пути он ощущал кровную связь с родной землей. В лирике 1915-1916 годов звучит мотив возвращения к истокам как символ внутреннего постоянства, верности своим корням («Я снова здесь, в семье родной...», «Запели тесанные дроги...», «Прощай, родная пуша...», «Устал я жить в родном краю»). «Страшное возбуждение» революциями 1917 года, недолгая вера в грядущее возрождение России обусловили то, что концептуально-значимым в лирике становится мотив дороги. Центральный образ соотнесен, конечно же, с лирическим героем. Дорога – начало и конец его движения («Голубень», «О край дождей и непогоды...», «Где ты, где ты, отчий дом», «Я по первому снегу бреду...»). Сами связи с миром прозреваются героем «через» любовь к дорогой сердцу обители. Вселенная становится для него огромным домом, «благостным и святым» отеческим местом. Оттого заветным желанием мыслится «сторожить задремавшую Русь»; а под «глупым и милым» счастьем разумеется жизнь в отчем доме в гармонии со своим внутренним «я».

20-е годы XX столетия совпали с крушением мечты о новой гармонии мира. «Каменные руки шоссе» и «скверный железный гость» стали верными приметами вырождения родной деревни. Боль и отчаяние лирический герой Есенина скрывает под маской хулигана-бунтаря.

Утомляюще-долгие пути искушений и пороков «большого мира» влекут героя на родину. Это стремление к возврату на круги своя заявлено лирическими откровениями 1923-1925 годов. Но приход омрачен новой трагедией – неузнаваемые перемены случились в некогда родном доме. Здесь теперь звучат «новые песни» «новой» жизни, чуждой советской действительности («Письмо матери», «Письмо от матери», «Ответ», «Русь советская», «Русь неприютная», «Русь уходящая»). Подобные перемены Есенин считал губительными для России.

Концептуально значимым в нашем исследовании признано отношение Бунина и Есенина к Руси и России. Понятие Русь, в первую очередь, связано с крестьянской, деревенской, самобытной сущностью родины, облик и духовные ценности которой были разрушены революцией. Россия чаще соотнесена с революцией, Советами, считается бывшей Русью, «убитой» железом и омытой кровью. В параграфе выявлены также схожие позиции Бунина и Есенина в отношении народа и интеллигенции, противоречий русского характера. Обращение к истории в страшный час грандиозных потрясений было продиктовано стремлением поэтов понять закономерности случившегося, найти пути возрождения из пепла. Есенин, на первых порах поверивший в обновление мира в революционном вихре, и Бунин, не принявший ничего, что связано с кровавыми переменами – два полюса общественного сознания 10-х годов. В позиции каждого отразился житейский опыт, определивший романтическую мечту одного и реалистическое разочарование другого.

Вторая глава «Философско-религиозные мотивы в творчестве И.А. Бунина и С.А. Есенина» включает два параграфа.

В первом «Божественное – природное – человеческое» в художественном мире Бунина и Есенина» раскрыты особенности эпохи, в которую шло становление и развитие религиозно-философских взглядов поэтов. Начало века было временем сложных духовно-нравственных поисков, сопряженных с ощущением кризиса и разрушения традиционных форм культуры, но и порождением синтеза разнообразных, подчас противоречивых идей. Общий «климат» эпохи обусловил общность взглядов Бунина и Есенина, трехкомпонентное единство «Бог – Природа – человек». Для поэтов характерно двоякое понимание природы человека. С одной стороны, он представлялся песчинкой в необозримых просторах Вселенной, с другой – неотъемлемой частью «бесконечного и сложного»¹¹ космического целого. Осознание художниками человеческого и природного как гармонического целого связано с народным мировосприятием, которому всегда был свойственен особый «пантеизм». У Бунина и Есенина тоже «пантеистическое» отношение к природному – человеческому – Божественному. Поэтому достаточно условно мы разделили пантеизм Бунина и Есенина на ранний и поздний. Границей водораздела служат события эпохи, в корне сменившие привычный уклад отечества и нравственно-эстетические ориентиры творческого развития художников. В молодые годы каждый из поэтов с радостью воспринимал жизнь, ощущал неразрывное единство своего героя с природными проявлениями божественной красоты и гармонии. Зрелый пантеизм, обусловленный давлением социальных обстоятельств, характеризовался для обоих трагическим восприятием всего сущего. Конкретные реалии октябрьских перемен стали фактом осознания неизбежности случившейся драмы, катастрофичности ее последствий в общем круговороте мироздания. Процесс сложных духовно-нравственных поисков, омраченных катаклизмами начала века, свидетельствами которых стали оба поэта, обуславливал их стремление приблизиться к сакральному, прикоснуться душой к высшим сферам бытия. На этом пути Бунину помогал опыт христианской веры и религиозных учений Древнего Востока. Поэтому Бог у него – это непознаваемая, высшая сила, в руках которой судьбы человеческие. Отсюда многообразные мотивы, символы, эмблематика разных религий в поэзии Бунина.

У Есенина, напротив, упоминание о божественном нередко сопряжено с «народным» христианством, допускающим смешение языческой и «пантеистической» образности. Бог у него «очень земной», свой, крестьянский: он странник, «мужицкий Спас», реалья, растворенная в окружающем

¹¹ Циолковский К.Э. Монизм Вселенной // Грезы о Земле и небе: Антология русского космизма. – СПб., 1995. – С. 30.

природном мире и приземленном, узком пространстве незамысловатого деревенского быта.

Во втором параграфе «Библейские мотивы в художественном восприятии поэтов» рассматриваются сходства Бунина и Есенина по линии освоения общих мотивов, обращения к образно-смысловым единицам библейского текста. Подчеркивается, что уже на раннем этапе творчества художники направляли свои взоры к Библии, стремились благодаря Священному Писанию открыть для себя тайны и закономерности мироустройства. Православная тематика отражена в целом ряде бунинских стихов («Вечерняя молитва», «В Гефсиманском саду» и «Христос воскрес! Опять с зарею...»). Однако «религиозность» автора была шире рамок отдельного вероучения. Поэт близок к «утверждению общечеловеческих моральных идеалов и вере в определяемую верховным разумом всеобщую гармонию бытия»¹².

Юный Есенин библейскими текстами словно измерял собственную жизнь, руководствовался ими как идеальными правилами на пути личного совершенствования. Этот вывод подтверждают многие письма, в которых автор делится своими переживаниями и размышлениями над онтологическими проблемами. Библейский текст для Бунина и Есенина был поистине неиссякаемым источником мудрости, к которому каждый припадал в минуты сомнений и духовной жажды. Не удивительно, что в годину революционных испытаний 1917 года именно Библия стала для художников великой опорой, незаменимым проектором вечных ценностей и авторитетов, главным предвестником ожидаемого будущего. Закономерно появление и образа Спасителя в поэзии Бунина и Есенина. У Бунина образ Христа связан с мотивом жертвенности во имя спасения человечества. Христос – Бог, и вся природа поет ему гимны. У Есенина этот образ получил иное наполнение. В нем оттенен «человеческий статус», выявлены черты идеальной личности, «архетипического идеала». В период «октябрьской смуты» образ Христа заменяет другая не менее значимая «духовная персона» – «светлый гость», хриstopодобный герой в новом варианте есенинской веры «без креста и мук» в земном рае, очищенном революционным огнем («Разбуди меня завтра рано...», «Хорошо под осеннюю свежесть...», поэмы «Июния», «Преображение»).

В поэтическом арсенале Бунина и Есенина оригинально преломлен библейский мотив «возвращения блудного сына». Для Бунина подобный сюжет оказывается особенно животрепещущим после вызвавших собственную пожизненную эмиграцию Октябрьских событий. Известные строки стихотворения «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...» (1918) – яркое тому подтверждение. В поэтическом арсенале Есенина мотив «ухода и возвращения» воплощен многократно. Лирические откровения 1916 года

¹² Андрианов И.Ю. Человек и мир в творчестве И.А. Бунина. – Одесса, 1999. – С. 28.

(«Устал я жить в родном краю...», «Запели тесаные дроги...», «Я снова здесь, в семье родной...», «Прощай, родная пушка...», др.) открывают многогранный дневник, в котором библейская притча становится для автора оправданием трагедии собственной жизни. Излияния уставшей от бесчисленных странствий души бродяги становятся завершающим аккордом в лирике 1923-1925 гг., «тема ухода, намеченная в ранних произведениях, получает сюжетное завершение в мотиве «возвращения к истокам»¹³.

В процессе постижения сложных «зигзагов жизни» особую роль играло «чувство пути», свойственное обоим поэтам. Для Бунина предначертанный Всевышним путь всегда целенаправлен. Отсюда всегда устойчивые жизненные ориентиры. В поисках Есенина многое определяет стремление к отшельничеству, нищете, голос «иного, неизведанного», поэтому стимулы его движения связаны с постоянным зовом «неведомой дали», устремленной вперед дорогой.

Авторы по-разному воспроизводят хорошо известный сюжет, но очевидно одно – причиной, придавшей трагический оттенок интонациям звучания авторского голоса, стали события, перевернувшие уклад Отечества, изменившие облик Дома, и возвращение к родным истокам теперь ни что иное, как проверка «на верность».

Третья глава «Лирическое переживание и средства его поэтического воплощения у И.А. Бунина и С.А. Есенина» состоит из двух параграфов.

В первом из них, названном «Средства художественной выразительности в освоении природного мира И.А. Буниным и С.А. Есениным» раскрываются особенности средств художественной выразительности Бунина и Есенина в произведениях «о природе». Тяготение к природному миру сближало современников. В постижении природной сущности Бунин и Есенин шли по пути отечественной классики и русского фольклора. Разница прежде всего в том, что младший современник в отличие от старшего активно обновлял традиции, явился смелым создателем множества неологизмов (так, его перу принадлежат словоформы: выбель, мреть, златохвойный, сырь, лунность, звень, водь, моризь лица, сонь, выть, замять (существительные), узорить, осаднить). Бунин не позволял себе подобных «вольностей».

В описаниях природного мира каждый из поэтов нашел свои пути обретения истинной художественной выразительности. Для Бунина выбор словесных ориентиров никогда не противоречил основному принципу его поэтики – «жизненной правде». Поэтому его языковые конструкции всегда выражали «величайшее чувство меры и такта» авторского слова. Бунин – истинный виртуоз поэтической живописи, умевший находить для выражения своих переживаний необычные словесные и образные «повороты» (к

¹³ Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. – Рязань, 2002. – С. 417.

примеру: Серп луны в просветы тучи / С грустью тихою глядит, / Под ветвями ив плакучих / Тускло воду золотит; ...стена.../ Лениво курится, во мгле небес теряясь; Леса на дальних косогорах / Как желто-красный лисий мех; И в черных пашнях снег белеет / Как будто в трауре земля; Ночь побледнела, и месяц садится / За реку красным серпом и т.д.). Такие конструкции рождались под влиянием народно-песенной стихии русского фольклора, живой разговорной речи. Лирика Бунина поражает многообразием и щедростью палитры, владением которой поэт неустанно учился у классиков Пушкина и Лермонтова.

Своеобразный почерк есенинской лиры определили сопричастность к деревенской жизни и народно-бытовой культуре. В одном художественном образе поэт мог совместить разнородные компоненты, что рождало неординарные, подчас дерзкие и непривычные языковые аналогии (например: Вяжут кружево над лесом / В желтой пене облака. / В тихой дреме под навесом / Слышу шепот сосняка; Ягненок кудрявый – месяц / Гуляет в голубой траве. / В затихшем озере с осокой / Бодаются его рога; Плещет рдяный мак заката / На озерное стекло; Отелившееся небо / Лижет краснотелка; По пруду лебедем красным / Плавают тихий закат; Взбрезжи, полночь, луны кувшин / Зачерпнуть молока берез, др.). Глубинное знание примет деревенского быта, свойств движущейся природной материи давало поэту возможность смело использовать разнообразные средства при ее описании, поэтому художественный образ выглядел новаторским, свежим. В поэтических текстах Есенина оказывалось оправданным подчас нарушающее законы естественной логики доведенное мастером поэтической техники до виртуозности уподобление природных реалий предметам крестьянского быта и наоборот.

В параграфе установлено, что цветопись Бунина и Есенина сближалась по принципу отражения народного мировосприятия явлений природы, близкого обоим поэтам. Их цветовая гамма питалась разнообразными традиционными красками русского фольклора: красным, зеленым, синим, голубым, черным, белым, золотым, серебряным, алым. Но были и свои приоритеты. В ходе обращения к поэтическим текстам Бунина и Есенина обнаружено, что более других поэтов притягивали синий цвет и его оттенки. В этом отражена неустанная устремленность к высоте, небесным далям, широте и просторам, столь родственным их душевной организации. Созданный Бунинным и Есениным природный мир – живой, динамичный, совершенный в своей первозданной прелести организм, наполненный разнообразными звуками, движениями, красками. Он рожден языковой «палитрой», которая у каждого из авторов своя, неповторимая. В выборе средств художественной выразительности Бунин скорее «академичен», «аристократически утончен», Есенин – более раскрепощен, по-народному неукротим. Но и то, и другое не только отличало поэтов, а скорее обогащало

возможности лирических воплощений, открывало перспективы дальнейшего развития отечественной литературы.

Во втором параграфе «Воплощение лирического «я» в поэзии И.А. Бунина и С.А. Есенина» рассматриваются особенности выражения лирического сознания художников. Дается анализ теоретических исследований, касающихся проблем воплощения авторского сознания; привлекаются работы прошлого и современные: И. Анненского, С.Н. Бройтмана, Л.Я. Гинзбург, Б.О. Кормана, В.Д. Сквозникова, Ю.Н. Тынянова¹⁴.

Творчеству Бунина и Есенина ближе категория лирического «я», под которой понимается «не биографическое «я» поэта, а та форма или тот художественный образ, который он создает из своей эмпирической личности»¹⁵. Вместе с тем поэтический мир авторов наполнен «лирическими героями».

«Портрет» лирического «я» в ранних стихах Бунина и Есенина в чем-то схож. Перед читателем предстает молодой человек, органично вписанный в природный мир, неотъемлемой частью которого является сам. Гармония его внутреннего мира, красота чувств и радость открытий налицо. Глубина и трепетность духовной организации лирического «я» прозревается «через» его отношение к родным людям, животным, всему сущему. В своей душе он свято хранит вечные авторитеты: верность, любовь и преданность родной семье, дому, Отечеству (например, у Бунина – «Шире, грудь, распахнись для принятия...», «Полевые цветы», «В стороне далекой от родного края...», «В поезде», др.; Есенина – «Край любимый! Сердцу снятся...», «Гой ты, Русь, моя родная...», «Край ты мой заброшенный...», «Черная, потом пропахшая выгь!»).

Биографически важным и мировоззренчески обусловленным для обоих авторов был образ путника. Разнохарактерность воплощения этого типа лирического героя в поэзии двух современников мы оттеняем ясно слышимой их внутренней переключкой. У обоих поэтов путник предстает личностью ищущей, целеустремленной, жаждущей счастья. Сама жизнь – это непрерывное движение в поисках Идеала, которым становится для поэтов безграничная в своей прелести Природа. Однако цели этого путипонска у поэтов различны. Для Бунина – это достойная жизнь и память, «след души». Путь Есенина отражает сложные духовные поиски смысла и стимулов бытия. Его герой – бродяга, для которого важнее само движение, чем цель. С опорой на лучшие классические образцы Бунин создал облик

¹⁴ Анненский И. Бальмонт-лирик // Книги отражений. – М., 1979; Бройтман С.Н. Историческая поэтика. – М., 2004; Гинзбург Л.Я. О лирике. – Л., 1974; Корман Б.О. Лирика Некрасова. – Ижевск, 1978; Сквозников В.Д. Лирика // Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жары. – М., 1964; Тынянов Ю.Н. Блок // Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977.

¹⁵ Бройтман С.Н. Указ. издание. – С. 255-256.

близкого себе по духу героя: целеустремленной личности, с явно выраженными романтическими идеалами: «окаждой жить», «зовом пути», и по большей части образ этот не изменялся («В степи», «Ты звезду, что качалась в темной воде...», «Нет, не о том я сожалею...», «Скачет притяжная, снегом обдаёт...», др.). Есенинский герой-путник, напротив, очень изменчив. В разное время он был нищим, бродягой-пилигримом, бунтарем и хулиганом. Но всегда стабильным у Есенина оставалось одно – стремление к счастью, согласию с миром и своим внутренним «я» («Пойду в скуфье смиренным иноком...», «Я пастух, мои палаты...», «Чую радуницу бо-жью...», «Мир таинственный, мир мой древний...», др.).

Мотив непреодолимого одиночества, отрешенности лирических героев Бунина и Есенина от «толпы» реализуется каждым поэтом весьма специфично. Исключительность бунинского героя, остро чувствующего красоту окружающего мира, постигающего ее в «скитаниях одиноких дум», обусловлена его избранничеством на этот путь. В подобном устремлении слышим голос романтиков, в том числе Лермонтова.

Главным признаком лирического героя есенинской поэзии становится отшельничество. Нищий и смиренный инок, затворник, живущий «субогой радостью», восхищением окружающим миром – вот состояние, дающее человеку для духовного роста.

Облик лирического «я» каждого из поэтов формировал их личный опыт, романтические традиции, поиски эпохи начала XX века.

В заключении подводятся итоги проведенной работы, формулируются выводы по основным проблемам исследования, намечаются перспективы дальнейших научных изысканий по поставленным в диссертации вопросам.

Поэтические миры Бунина и Есенина полярны лишь внешне. Их резкое разграничение в сознании читателей и исследователей базируется преимущественно на негативном отношении Бунина к своему современнику. Противоположность Бунина и Есенина по преимуществу внешняя. Анализ произведений художников позволяет говорить об их «внутреннем» созвучии на уровне эстетических позиций, определяющих схожее понимание предназначения и целей искусства, роли поэтического слова и его творца в современном мире. Поэтов объединяло взаимное тяготение к классическому наследию: А.С. Пушкину, М.Ю. Лермонтову, Ф.И. Тютчеву. Внутренний мир русского человека, загадки и противоречия национального характера, выражение схожих духовных ценностей стали факторами сближения Бунина и Есенина.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора.

Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Крицына, Е.Ю. Иван Бунин о Сергее Есенине: взгляд «лицом к лицу» и на расстоянии [Текст] / Е.Ю. Крицына // Вестник Бурятского госу-

дарственного университета. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2009. – № 10. – С. 197-199. – 0,4 п.л.

2. Крицына, Е.Ю. А.С. Пушкин в поэтическом мире Ивана Бунина и Сергея Есенина [Текст] / Е.Ю. Крицына // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – Кострома: Учредитель Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, 2009. – № 2. – С. 70-74. – 0,6 п.л.

Публикации в других изданиях:

3. Крицына, Е.Ю. И.А.Бунин и С.А.Есенин: поэтическое воплощение образов природы [Текст] / Е.Ю. Крицына // Студенческий филологический вестник. – Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2006. – Вып. 2. – С. 67-74. – 0,6 п.л.

4. Крицына, Е.Ю. И.А.Бунин и С.А. Есенин: взаимовосприятие поэтов [Текст] / Е.Ю. Крицына // Творчество И.А.Бунина и философско-художественные искания на рубеже XX-XXI веков: материалы Международной научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения писателя. – Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2006. – С. 208-211. – 0,3 п.л.

5. Крицына, Е.Ю. И.А.Бунин и С.А. Есенин: поэтические размышления над одним библейским образом [Текст] / Е.Ю. Крицына // Актуальные проблемы изучения литературы на перекрестке эпох. Форма и содержание: категориальный синтез: сборник научных статей Всероссийской заочной конференции. – Белгород: Издательство БелГУ, 2007. – С. 32-35. – 0,3 п.л.

6. Крицына, Е.Ю. Воплощение народной ментальности в стихотворении С. Есенина «Устал я жить в родном краю [Текст] / Е.Ю. Крицына // Нижегородский текст русской словесности: межвузовский сборник научных статей. – Нижний Новгород, 2007. – С. 149-152. – 0,3 п.л.

7. Крицына, Е.Ю. И.А. Бунин и С.А.Есенин: поэтические размышления о поэте и поэзии [Текст] / Е.Ю. Крицына // Студенческий филологический вестник. – Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2007. – Вып. 3. – С. 18-24. – 0,6 п.л.

8. Крицына, Е.Ю. Письма Ив. Бунина из Огневки – дневник его житейских и творческих поисков [Текст] / Е.Ю. Крицына // Бунинская Россия: уездное: коллективная монография. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. – С. 141-148. – 0,6 п.л.

9. Крицына, Е.Ю. Концепт пути в поэтическом мире Ив. Бунина [Текст] / Е.Ю. Крицына // Школа молодых ученых по гуманитарным наукам: материалы регионального научно-практического семинара ученых Липецкой области, посвященного Году русского языка. 14-15 июня 2007г. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. – С. 37-41. – 0,4 п.л.

10. Крицына, Е.Ю. Ив. Бунин о поэтах советской России [Текст] / Е.Ю. Крицына // Творчество И.А. Бунина и русская литература XIX-XX веков: научные доклады, статьи тезисы, очерки; отв. ред. Е.А. Ширина. – Белгород: Издательство БелГУ, 2009. – Вып. 5. – С. 32-40. – 0,6 п.л.

Лицензия на издательскую деятельность
ИД № 06146. Дата выдачи 26.10.01.
Формат 60 x 84 /16. Гарнитура Times. Печать трафаретная.
Усл.-печ.л. 1,0 Уч.-изд.л. 1,2
Тираж 100 экз. Заказ 51

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28

